

ЭНДРЮ РИДЖЛИ

18+

WHAM!

ДЖОРДЖ МАЙКЛ И Я

КАК РОДИЛСЯ
И УМЕР
ЛЕГЕНДАРНЫЙ
БРИТАНСКИЙ
ДУЭТ

БОЛЕЕ 3,6 ТЫСЯЧИ ОТЛИЧНЫХ ОТЗЫВОВ НА AMAZON

Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены

Эндрю Риджли

Wham! Джордж Майкл и я

«ЭКСМО»

2019

УДК 785(410)
ББК 85.318

Риджли Э.

Wham! Джордж Майкл и я / Э. Риджли — «Эксмо»,
2019 — (Иконы мировой музыки: жизнь по ту сторону сцены)

ISBN 978-5-04-174893-7

Февральское воскресенье 1984 года. В этот день Джордж Майкл придумал самый главный хит Wham! — Last Christmas. Эта баллада станет одной из самых узнаваемых рождественских песен в мире и самым великим рождественским синглом Великобритании — правда, только в 2020 году. До этого он уступал в UK Singles Chart другим хитам. Джордж Майкл всегда был раздражен этой статистикой. Ему было не суждено узнать, что однажды справедливость восторжествует. Эти мемуары написал Эндрю Риджли: второй участник дуэта Wham! и близкий друг Джорджа Майкла. Он впервые рассказывает историю их знакомства, общение в школе и колледже, первые попытки писать музыку и первый контракт с лейблом, выступление на Top of the Pops, концерты по всему миру и покорение чартов. Талантливые, дерзкие, молодые. В этой книге вся история их группы до последнего концерта в «Уэмбли». Вся история их знакомства до внезапного ухода Джорджа Майкла в рождественский день. И вся история их настоящей дружбы, которая не заканчивается даже после смерти. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 785(410)
ББК 85.318

ISBN 978-5-04-174893-7

© Риджли Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Вступление. Долгое прощание	7
Часть первая. Молодые и смелые	15
1. Решения, решения	15
2. Новенький	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**«НАПОЛНЕННЫЙ ЛЮБОВЬЮ И ВОСХИЩЕНИЕМ
ТРИБЬЮТ ДЖОРДЖУ МАЙКЛУ, КОТОРОГО
РИДЖЛИ НАРЕКАЕТ СВОИМ ЛУЧШИМ ДРУГОМ».**

THE WASHINGTON POST

Эндрю Риджли
Wham! Джордж Майкл и я

Эти мемуары посвящены памяти моего самого дорогого друга, с которым я исполнил свою заветную мечту. Он был единственным, с кем я хотел пройти этот путь

WHAM! George & Me

Andrew Ridgeley

Copyright © Andrew Ridgeley 2019

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and
The Van Lear Agency LLC

Translation copyright © 2022, by EKSMO

© О. Семенюк, перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Вступление. Долгое прощание

Суббота, 28 июня 1986 года

Я ждал Джорджа.

Я всегда ждал Джорджа. Я стоял за кулисами стадиона «Уэмбли» и внимательно слушал, когда подадут сигнал к выходу на сцену, ждал – *ждал, ждал, ждал*. Солнце скрылось за старыми величественными башнями-близнецами стадиона, и десятки тысяч людей будто мерцали в каждом углу арены. Зрители сливались в огромную волну. Девочки-подростки размахивали флагами и самодельными плакатами; то тут, то там мелькали вспышки фотокамер; дети, парочки, семьи, компании друзей, все взволнованно визжали. Семьдесят две тысячи наших поклонников собрались на The Final, так мы называли прощальный концерт Wham!. Мы с Джорджем всегда мечтали стать ярким и искрометным музыкальным феноменом и красиво уйти на пике славы.

Прошло четыре года с момента выхода нашего первого альбома в 1982 году. Wham! по-прежнему гремели на радио, в прессе и на телевидении. Наши плакаты из журналов Smash Hits и Just Seventeen пестрили на обоях в миллионах подростковых спален, а обозреватели шоу-бизнеса мусолили каждую новость и сплетню о Wham!. И все-таки, воплотив свою мечту в жизнь, после двух студийных альбомов и нескольких хитов номер один в мировых чартах мы собирались попрощаться с людьми, которых привлекали наши песни, наши шоу и наша история.

И они ждали, ждали, ждали начала финального шоу.

Я знал все движения наизусть. Вот Джордж стоит на сцене, а вот он направляется к толпе, раскинув руки и шагая по подиуму, который тянулся до первых рядов «Уэмбли». *Это был его момент*. Черная кожа и черный деним. Волосы зачесаны назад и фирменная щетина. Каждый жест, каждый шаг все теснее и теснее связывал его со зрителями. Джордж играл для публики, и публика была в восторге. Меж двух танцоров он отплясывал под инструментальную версию Everything She Wants, которая идеально подходила для эффектного вступления. Джорджу понравилось, как получился текст песни, в которой говорится о сложностях супружеской жизни, несмотря на то что мы были молоды, одиноки и свободны, когда писали эту песню, и не имели ни малейшего понятия о жизни в браке. Он помахал фанатам в самых дальних уголках шумного «Уэмбли». Затем, соблазнительно двигаясь, повернулся спиной и указал пальцем на сцену. Прошло уже несколько минут, а он все еще не притронулся к микрофону. Джордж не произнес ни слова, не говоря уже о том, чтобы начать петь, но все ждали его следующего шага, следили за каждым его движением, и это ощущение мне было очень хорошо знакомо.

Потому что я всегда ждал Джорджа.

Я ждал Джорджа, пока он бесконечно готовился к концертам, укладывая свои непослушные волосы выпрямителем иногда в течение нескольких часов, и терпел едкий запах лака для волос и опаленных локонов, которые, как мне казалось, излишне страдали. По мере того как росла наша слава, Джордж уделял все больше и больше внимания своей внешности. Перед началом съемок клипа на Careless Whisper в 1984 году он жаловался, что его вьющиеся волосы, которые превращались во влажном климате в непокорный пучок жестких завитков, делали его похожим на Ширли Бэсси¹.

¹ Ширли Бэсси – Ширли Вероника Бэсси – британская певица, ставшая известной за пределами своей родины после исполнения песен к фильмам о Джеймсе Бонде: «Голдфингер», «Бриллианты навсегда» и «Мунрэйкер» (wiki).

Сестру Джорджа Мэл – стилистку – перевезли через полмира из Лондона в Майами, туда, где проходили съемки, и она укладывала его волосы так, как ему нравилось. Счет за ее перелет и работу составил более 10 000 фунтов стерлингов.

Я ждал Джорджа, когда его настигала волна музыкального вдохновения. В студии, где он работал с требовательным вниманием к деталям, или дома, когда он внезапно исчезал на несколько часов, после того как появлялась какая-нибудь мелодия или вокальная зацепка. Часто оказывалось, что рождается очередной хит. Самый запоминающийся случай произошел в доме его родителей в февральское воскресенье 1984 года. По телевизору шел «Большой матч», но мысли Джорджа были заняты не футболом.

– Кое-что придумал, – сказал он, прыгнул с дивана и исчез на целый час.

А затем вернулся с гордой улыбкой.

– Черт, Энди, – сказал он, – иди наверх, ты должен это услышать...

Джордж был так воодушевлен, потому что знал, что сочинил нечто особенное. Именно тогда родилась *Last Christmas*: демоверсия в конечном счете превратится в балладу, разбивающую сердце, которая позже станет самым великим рождественским синглом, но так и не станет номером один в чартах². *Господи, как же эта статистика раздражала его*. Несмотря на не проходящий успех, *Last Christmas* не смогла свергнуть с пьедестала благотворительный сингл *Band Aid* – звездного музыкального союза: Боба Гелдофа, U2, Duran Duran, Стинга, Пола Уэллера и самого Джорджа. Он не завидовал успеху *Band Aid*, просто ужасно расстраивался. Он всегда считал места в чартах единственным подтверждением мастерства и по-настоящему переживал, если не достигал признания. Но в тот день, когда мы сидели в его спальне, там же, где когда-то подростками обсуждали попавшие в Топ 40 песни, я слушал мелодию, записанную на его синтезаторе, и мгновенно запоминающийся припев был великолепен. Джордж уловил ритм Рождества, добавив к христианской лирике боль разбитого романа.

Я ждал Джорджа, пока он трансформировался из забавного, но временами замкнутого подростка Георгиоса Панайоту сначала в Йога – прозвище, которое я дал ему вскоре после нашего знакомства в школе *Bushey Meads*, – а затем в Джорджа Майкла, певца-композитора и самого близкого моего друга. Когда мы отправились во впечатляющее и непредсказуемое путешествие к популярности, наша связь еще больше укрепилась. Джордж стал одним из важнейших голосов поколения. В то время, когда он создавал одни из самых известных синглов восьмидесятых, было ощущение, что он все еще искал себя. Его ориентация оставалась тайной за пределами *Wham!* и между личной жизнью, которую он вел как молодой гей, и позиционированием в таблоидах существовала настоящая пропасть. Позже он скажет, что гравитационное притяжение между частной жизнью и публичной создавало моменты, которые угрожали его рассудку. Несмотря на все это, я постоянно находился рядом с Джорджем. Он был моим лучшим другом на протяжении многих лет, но его личная жизнь меня не касалась.

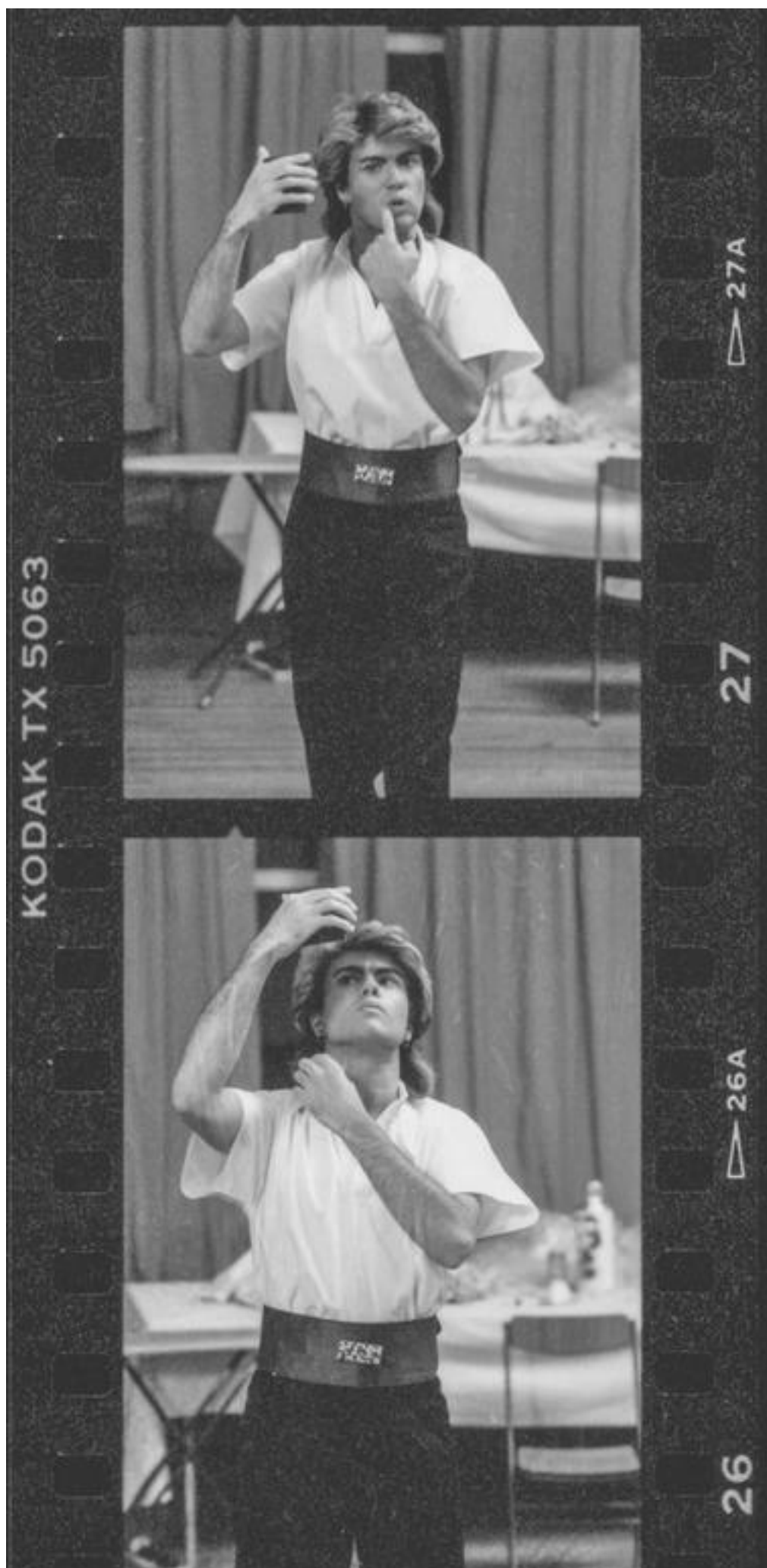
После последнего шоу *Wham!* на «Уэмбли» я наконец мог перестать ждать Джорджа.

Все закончилось и для меня. Я осуществил все свои мечты.

Я шагнул к подиуму, наши бэк-вокалистки Хелен «Пепси» ДеМак и Ширли Холлиман шли рядом со мной. Крики были оглушительными, рев на стадионе становился все громче и громче. Когда я приблизился к мерцающим огням и бушующей толпе, то услышал возгласы из первых рядов: «Эндрю!» и «Мы любим вас, *Wham!*!». Но дальше – только белый шум. Я остановился на краю сцены, истерия рикошетом прокатилась вокруг. Каждый раз реакция на наше появление на сцене казалась мне необычной, нереальной, и я редко воспринимал нашу фан-базу как нечто само собой разумеющееся. Кричащие девушки, охотники за автографами и папарацци – все это было гиперреальным и странным. В результате все, что мы делали, –

² На самом деле станет. В январе 2021 года, спустя 36 лет после релиза, песня заняла первое место в национальном чарте Великобритании.

пытались подарить радость. Джордж и я знали, что это игра, и мы всегда старались сыграть свою роль так, чтобы дать нашим зрителям энергию, в которой они нуждались, – это было фишкой Wham!.

В течение нескольких недель, предшествовавших этому концерту, The Final описывали как нечто сродни почти религиозному событию. Фанатов называли послушниками, Wham! – святыми. В первые годы существования группы наш внешний вид на сцене был игривым и дерзким, наши фото не сходили с первых полос журналов и газет из-за слишком коротких шорт, а клипы на песни, например Club Tropicana, продвигали радости юношеского гедонизма. Однако для «Уэмбли» мы решили создать более драматичное настроение, чтобы соответствовать теме, и заменили наш обычно яркий сценический образ на нечто более строгое. Джордж надел узкие черные джинсы и кожаные ботинки. Ремень сверкал стразами, куртку украшала бахрама. Мой образ был не менее шикарным: с помощью Пепси и Ширли я снял тренч, чтобы остаться в короткой куртке в стиле матадоров, ее дополняли галстук и сверкающий ремень. Я изо всех сил старался не рассмеяться, медленно, палец за пальцем снимая перчатки и бросая их на сцену. Ширли протянула мне гитару, и я перебросил ее через плечо. Шоу начинается.

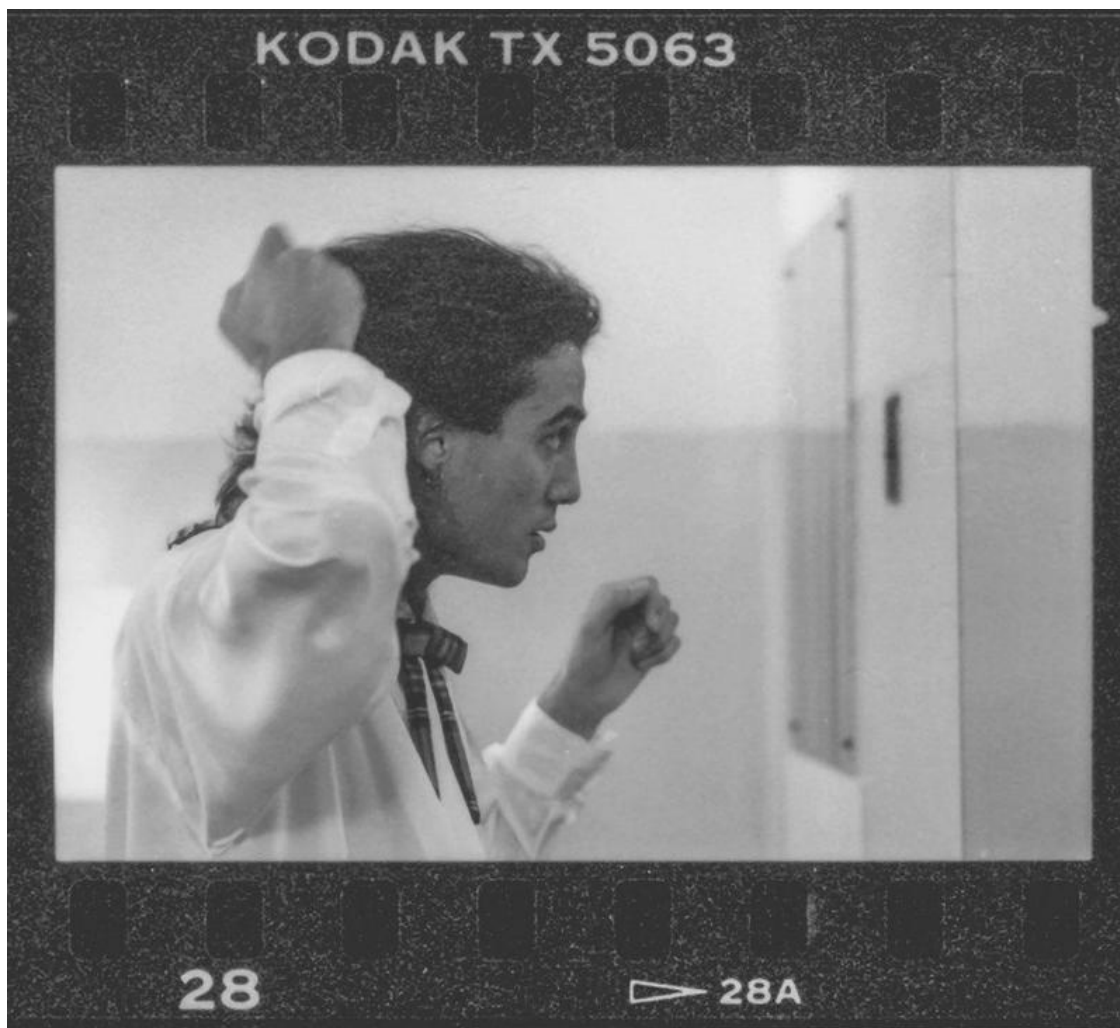
Мы оба уже бывали на «Уэмбли», так что обстановка была, по крайней мере, знакома. Годом раньше я выступал на бэк-вокале, когда Джордж пел на благотворительном концерте Live Aid, который собрал несколько миллионов фунтов в помощь голодающим в Эфиопии (к слову, как и рождественский сингл Band Aid в 1984 году). В тот день царил почти праздничная атмосфера.

На The Final невозможно было не испытать сильнейших эмоций. Десятки тысяч людей приехали в Лондон со всего мира, чтобы отметить завершение очень красочной главы в истории британской музыки.

Пришло время прощаться с Wham!.

* * *

Мы сыграли все наши хиты в последний раз. Club Tropicana, Bad Boys и Edge of Heaven; Wham Rap, Careless Whisper и Freedom. Растянувшаяся вдаль толпа на «Уэмбли» выглядела так, словно она струилась и мерцала, как огромное море поющих и танцующих вместе людей. В преддверии нашего выступления было решено, что мы добавим несколько сюрпризов, одним из которых был Элтон Джон, который присоединился к нам для совместного исполнения новой версии своего хита Candle In The Wind. Эта песня всегда вызывала у нас с Джорджем сильные эмоции, отклик. Она была одной из самых ярких на альбоме Элтона *Goodbye Yellow Brick Road*, одной из пластинок, на которых строилась наша дружба. Джордж умел красиво, почти без усилий передавать всю мелодичность этой песни, и хотя он позиционировал себя прежде всего как композитора, я всегда считал, что величайшей и самой красноречивой формой его самовыражения был голос. Пел Джордж потрясающе, и, насколько я мог судить, только Фредди Меркьюри мог конкурировать с ним в вокале.

Джордж и Элтон уже не в первый раз выступали вместе. На Live Aid они пели Don't Let The Sun Go Down On Me. Но отношения между ними сложились еще годом ранее, когда мы записывали альбом *Make It Big* в 1984-м. Во время работы в Château Miraval, студии звукозаписи в Коррене на юге Франции, нам позвонили из управляющей компании в Лондоне. Им пришло неожиданное сообщение.

«Э-э, Джордж, Эндрю: Элтон Джон написал. Он хочет знать, не хотите ли вы присоединиться к нему за обедом?» Мы оба были ошарашены. *Черт возьми! Обед с Элтоном Джоном?* Предложение казалось нереальным, невозможно было поверить в свою удачу. Через несколько дней, немного нервничая, мы поехали с ним на встречу, и он с первой же секунды был очарователен, великодушен и очень добр. Мы слушали рассказы о легендарном гостеприимстве Элтона, и для нас, двух двадцатиднолетних мальчиков из [городка на востоке Англии] Буши, это был довольно волнительный опыт. За столом мы весело общались, иногда саркастично шутили. Сидя на противоположном конце роскошного пиршества в элегантной обстановке своего солнечного двора, Элтон захватил все наше внимание. Мы чувствовали себя желанными гостями, и, пока вино лилось рекой, я понял, что беспокойство, которое мы испытывали перед встречей, было излишним. Мы делились историями и рассказывали забавные случаи из жизни. Атмосфера была настолько расслабленной и естественной, что временами приходилось напоминать себе об известности хозяина.

В те времена было совершенно нормально, что обед переходил в ужин, и наша компания отправилась в соседний ночной клуб, где к вечеринке присоединился друг и коллега Элтона Берни Топин. К этому моменту все мы уже немного напились. Кто-то упомянул, что приехала

актриса Джоан Коллинз. Уходя с вечеринки, разгоряченный алкоголем и воспоминаниями о ее несколько пикантном фильме «Жеребец», в котором она играла нимфоманку, владелицу ночного клуба, Джордж крикнул: «Джоан! Покажи нам свои трусики!» Это был нехарактерный для него порыв.

И, конечно, два года спустя Элтон принял участие в заключительном концерте Wham!. За Young Guns (Go For It!), нашим первым хитом, и Wake Me Up Before You Go-Go, великолепным приглашением на танцпол, последовала I'm Your Man, и Саймон Ле Бон из Duran Duran присоединился для бэк-вокала. Когда музыка затихла, а вокруг нас эхом разносился гул семидесяти двух тысяч голосов, мы в последний раз насладились этим. Мы достигли такого успеха, который невозможно было даже себе представить, когда мы закончили школу.

Концерт оставил во мне двойные чувства. Какая-то часть меня радовалась возможности сбежать от всеобщего внимания, которое непрерывно сопровождало жизнь. Я устал от цирка, который окружал Wham! в любое время суток. Шумиха и истерия достигли своего пика, а мои отношения с национальной прессой накалились. Так что прощание с суматохой и сплетнями, которые последние годы преследовали нас с Джорджем, было радостным событием. Но осознание того, что мы больше никогда не выступим бок о бок как Wham! наводило тоску. Мы выросли вместе, и это чувство единения еще больше приблизило нас к сердцам наших поклонников. Мы были сплоченным дуэтом – *братством*. Но и в такой дружбе были свои минусы.

Мой лучший друг – это два разных человека, Йог до Wham! и Джордж после. Йог – школьник, которого я впервые встретил, когда нам было по тринадцать лет, и который стал моим лучшим другом. Мальчик, с которым я хотел разделить первые шаги к музыкальному олимпу, стал Джорджем Майклом, персонажем, созданным для продвижения собственной карьеры от певца в популярном дуэте до сольной звезды, переполненной амбициями и творческим поиском. К заключительному концерту вторая инкарнация была уже на пути к завершению. Еще большего успеха Джордж достиг в 1987 году, когда выпустил [альбом] *Faith*. В то время ему было тяжело, он скрывал свою ориентацию, и приходилось отделять реальную личность от его публичного образа. Но об этих трудностях никто не догадывался.

Во времена Wham! и после связь между нами была настоящей и искренней. Британцы находили нашу дружбу радостной отдушиной в тяжелый период для страны. Сначала мы подарили им песню Wham Rap (Enjoy What You Do), противоядие от отчаяния из-за безработицы:

Wham! Bam!
I am! A man!
Job or no job,
You can't tell me that I'm not.

С тех пор наша музыка стала символом вновь обретенного британского оптимизма. Club Tropicana, Wake Me Up Before You Go-Go, Freedom и I'm Your Man отражали эмоциональный подъем общества. У нас все получалось легко и весело, потому что это и *было* легко и весело, и эта естественность вылилась в огромный коммерческий успех. Первые демо, которые мы с Джорджем записали в гостиной моих родителей, помогли заключить контракт и продать более тридцати миллионов пластинок. Наш дебютный альбом *Fantastic* стал номером один в списке продаж 1983 года. Следующий, *Make It Big*, повторил это достижение годом позже. Стадионы Британии и Америки были заполнены под завязку, привлекая все новых и новых слушателей, и вскоре Wham'мания стала глобальным явлением.

Наш профессиональный союз распался в конце 1986 года. Отчасти потому, что Wham! были нашей юностью, которая осталась позади. Способность выделять саму суть подростковых эмоций, наша алхимия превосходила даже композиторские таланты Джорджа. В дни первого успеха, еще до выхода *Fantastic*, мы решили, что если хотим достичь успеха того масштаба, на

который способен, то творческие бразды правления Wham! должны принадлежать исключительно Джорджу. Я давно знал о его таланте, а моей единственной мечтой было делать музыку, так что меня устраивала роль помощника в студии и на сцене. Решение было болезненным, но верным: Джордж явно обладал авторским талантом, и именно желание реализовать потенциал этого дара заставило его стать сольным артистом, свободным от ограничений группы. После четырех лет наше совместное творчество закончилось.

Джордж что-то крикнул мне в ухо. Из-за шума и хаоса я не смог разобрать ни слова. Музыканты и бэк-вокалисты, большинство из которых были давними участниками группы, покинули сцену, чтобы дать нам возможность провести последние минуты вместе как Wham!. Толпа на «Уэмбли» раскачивалась все мощнее, пела все громче; повсюду были видны плакаты и флаги.

«*Что?* Повтори еще раз!» – крикнул я, пытаясь перекричать толпу, потому что чувствовал, что он хочет сказать что-то важное.

Джордж улыбнулся, и обнял меня, и, перед тем как мы поклонились, положил голову мне на плечо.

«Я бы не справился без тебя, Энди», – сказал он.

Часть первая. Молодые и смелые

1. Решения, решения

Ноябрь 1979 года

Мы были лучшими друзьями и двумя сторонами одной медали. Георгиос Панайоту – прилежный и застенчивый шестнадцатилетний юноша, немного пухленький, с пышными волосами и гардеробом, полным сомнительных нарядов. Я же, напротив, самоуверенный и общительный, умный бунтарь, одетый в костюм из секонд-хенда и парку и избегающий учебы во всех ее проявлениях, которая давно наскучила мне до смерти. Нас объединяла любовь к музыке, Монти Пайтон и наш особый юмор. Тогда-то я и принял решение, которое навсегда изменило нашу жизнь.

Йог, мы создаем группу...

Почти два года я только об этом и думал, я хотел играть только с одним человеком – с мальчиком, которому предстояло стать Джорджем Майклом. У него было выдающееся умение чувствовать мелодию, к тому же он великолепно пел. В школьные годы мы боготворили одни и те же группы и одних и тех же артистов, это была самая разнообразная музыка от мировых звезд, таких как Queen, до совсем новичков, например Joy Division из Манчестера. К 1979 году мы увлеклись ска, очень современным британским стилем регги, в котором карибские грувы смешивались с гитарами. The Specials, Madness, The Beat и Steel Pulse захватили наше воображение не только музыкой, но и одеждой и стилем. После выхода на экраны фильма «Квадрофония» все дети Англии внезапно начали одеваться в костюмы и туфли фирмы Hush Puppies. Модники стали предпочитать исключительно короткие стрижки. К счастью, моя жизнь в пригороде Хартфордшира была детским лепетом по сравнению с жизнью в Лондоне или Бирмингеме. *Я хотел быть частью музыки.*

– Энди, – сказал Йог, когда я позвонил ему после школы. – Я хочу, но я не могу...

Последовало несколько невнятных оправданий на тему напряжения из-за учебы и неумолимого настроения его родителей, которые стремились защитить его от любых отвлекающих факторов – например, от меня. Однако меня это не остановило. Я шел за своей мечтой и не собирался позволить беспокойству Йога о том, что подумают его мама и папа, помешать этому.

– Нет, сейчас или никогда, – сказал я ему. – Сегодня мы создаем группу.

Йог знал, что я могу быть очень упорным, особенно когда мечта захватила мою душу. Он понял, что на самом деле это не просьба, это решение. Когда он осознал, что я не собираюсь сдаваться, его сопротивление угасло.

– Хорошо, Энди, – сказал он, глубоко вздохнув. – Давай сделаем это.

Йог был в деле. Теперь у меня появилась мечта, которую я должен был осуществить, – *цель*. Ничто и никто не мог бы сбить нас с пути. Наша дружба была непобедима, и я был уверен, что нас ждет успех. Я понятия не имел, что на самом деле означает этот успех, но чувствовал его. *Я будто знал*. Однако то, к чему мы в итоге пришли, было более впечатляющим, чем я мог себе представить...

2. Новенький

Четырьмя годами ранее

Впервые я увидел Георгиоса Панайоту, ожидая начала первого урока нового учебного года. Вокруг меня возбужденно болтали другие ребята из нашего класса школы Bushey Meads. Мальчики хвастались тем, что целовались с таинственными незнакомками во время отпуска с родителями, который обычно проходил на британских морских курортах. (Поехать за границу всей семьей в те дни было финансовой роскошью, недоступной большинству.) Девушки хихикали и падали в обморок, глядя на фотографии Дэвида Эссекса и Донни Осмонда на страницах журнала Jackie.

Все были очарованы группой Pan's People. Танцевальная труппа из шоу Top of the Pops выступала уже несколько лет, и затянутые в лайкру танцовщицы стали предметом мечтаний юных парней, и у каждого была своя фаворитка. Но после шести недель летней свободы я не испытывал ни малейшего энтузиазма в шуме первого учебного дня.

Мне было скучно.

ASHFIELD JUNIOR SCHOOL, BUSHEY

Age Group 10-11 Years

Class 4W

Report for autumn Term 1973

Name ANDREW RIDGELEY

	<u>GRADE</u>
MATHEMATICS	<u>B-</u>
ENGLISH : Expression : Written	<u>B</u>
Oral	<u>B+</u>
Reading	<u>A-</u>
GENERAL SUBJECTS : History, Geography, Science	<u>B-</u>
HANDWRITING	<u>B+</u>
ART AND CRAFT	<u>B</u>
MUSIC	<u>B</u>
RELIGIOUS EDUCATION	<u>B-</u>
PHYSICAL EDUCATION	<u>B-</u>
Conduct <u>Disruptive.</u>	
Absences	<u>4</u>

NOTE: A,B,C,D,E in "Grade" column denotes that the standard of work is Very Good, Good, Average, Weak or Very Weak, in the appropriate AGE GROUP

Andrew has achieved some good results which might be even better if he applied himself more than he does. In Maths his work does not always meet his capabilities. In English his written work is always interesting; he writes imaginative stories and poems. He has let himself down in General Subjects by not completing all the work to be done. The work completed has, however, been of a good standard. His Art work shows good imagination but again he doesn't always finish. He has had a PE/Games and a music (although he no longer plays his recorder). Andrew has a good speaking voice but unfortunately he uses it at the wrong times as well as the right.

Teacher R. Tweedale Headmaster E. Halliwell

The next term starts on Tuesday, 8th January 1974.

На самом деле мне часто было скучно. Школа была обузой, и как только я научился читать и писать, закончив начальные классы почти без проблем, мое участие в британской образовательной системе фактически завершилось. С этого момента всякий интерес к новым знаниям исчез, и я абсолютно не понимал, для чего учиться, что раздражало как учителей, так и родителей. В одном школьном отчете меня назвали деструктивным, после чего последовала череда неизбежных родительских выговоров и нравоучений. Чуть ли не единственное, что мне нравилось в школе, – игра за школьную футбольную команду. Но вопреки утверждению Джорджа я никогда не питал надежд профессионально заняться футболом. Я активно болел за Manchester United, это и есть весь мой профессиональный футбол.

Меня посадили за первую парту, так учителям было проще следить за моими действиями. Мне было двенадцать, и я не хотел подчиняться. С расстегнутой верхней пуговицей и ослабленным школьным галстуком я выглядел угрюмым трудным подростком, возможно, это объясняло тот факт, что пара учителей были со мной настороже. Но я не был хулиганом.

Класс наш считался очень сильным, но ни один из нас не сдал финальный тест на высокие баллы, которых хватило бы поступить в колледж Уотфорда. Было маловероятно, что мы смогли бы построить карьеру в области ядерной физики или нейробиологии.

Однажды в классе стало тихо. Разговоры о танцовщицах, Дэвиде Эссексе и неловких летних поцелуях прервались, когда вошла наша классная руководительница миссис Паркер, а вместе с ней – незнакомый мальчик. Он был одет в чистую школьную форму и носил огромные очки в стальной оправе. Его волосы походили на парик. Встреча с новыми одноклассниками явно пугала его. Когда миссис Паркер представила новенького в классе 2A1, он начал краснеть. Учительница произнесла его имя неразборчиво, будто сама едва могла его выговорить, что смутило его еще больше.

«Мальчики и девочки, это ваш новый одноклассник Йорриосс Панеоттуу», – странно сказала она. И посмотрела на испуганное лицо нового ученика – как бы его ни звали, – теперь он стал красный как помидор. В первом ряду хихикали девочки, а мальчики посмеивались с задних парт. Но миссис Паркер, ничуть не смутившись, продолжила формальности, хотя и оставила попытки повторить незнакомое средиземноморское имя.

«Я хочу, чтобы кто-нибудь помог новичку, – сказала она. – Давайте выберем наставника, который на этой неделе покажет ему, как тут все устроено. Это важная обязанность, поэтому тот, кто возьмет на себя эту роль, должен сделать так, чтобы наш новый ученик чувствовал себя в Bushey Meads как дома. Кто хочет помочь?»

Последовала неловкая пауза. Мои одноклассники колебались, а я не мог понять, почему. Я еще никогда не был ментором, и это была слишком хорошая возможность, чтобы упустить ее: приятное разнообразие среди монотонности уроков. Я поднял руку. Трудно сказать, что подумала в этот момент миссис Паркер, потому что, хотя учительница и улыбалась, это выглядело так, как будто она пыталась разгадать, где подвох. Ее изогнутая бровь предостерегала меня от каких-либо выкрутасов.

– Спасибо, Эндрю, это очень любезно, – сказала она наконец, указывая Как Его Там, что мы должны сесть вместе. Пока миссис Паркер бегло просматривала список имен, все взгляды были прикованы к новому мальчику, который нервно приближался ко мне. Я не мог не почувствовать ему.

– Адамс.

– Здесь, миссис.

– Бартлетт.

– Здесь, мисс.

– Браун.

– Здесь, мисс.

– Мое имя поначалу звучит немного странно, – сказал новенький, усаживаясь рядом со мной. – Оно греческое, – добавил он, почувствовав мое замешательство.

Я пожал плечами и сочувственно кивнул. Я знал, что с таким именем, как Георгиос, новичка ждет непростой первый семестр. Немного поболтав, я выудил некоторые ключевые факты. Отец Георгиоса владел собственным рестораном.

Семья раньше жила в районе Кингсбери и только недавно переехала в соседний Рэдлетт, который хоть и находился дальше от школы, чем мой, но все же был расположен достаточно близко, чтобы, если мы поладим, вместе гулять после школы. А еще я подумал, что семья Георгиоса, должно быть, довольно богата, так как Рэдлетт считался районом для состоятельных горожан.

Но в тот момент, когда мне казалось, что все складывается удачно, наступила неловкая пауза. Он не разделял ни одного из моих хобби: меньше, чем футбол, его интересовала только «Формула-1». Мы смотрели друг на друга в тишине, которая грозила перерасти в долгое молчание. Когда я поднял глаза, миссис Паркер посмотрела на меня скептически.

Черт возьми, все идет не очень хорошо.

Когда я уже начал понимать, что совершил огромную ошибку, взяв на себя такую ответственность, то задал правильный вопрос.

– Итак, какая музыка тебе нравится? – спросил я.

Георгиос заулыбался. *Успех!* Очевидно, я нашел общий язык. Он сказал, что ему нравится Queen, это было отличное начало. И пока класс 2A1 заполнял какие-то бумажки, необходимые в начале каждого учебного года, мы болтали о Фредди Меркьюри, сверкающих гитарах Брайана Мэя и выпущенной около года назад песне Killer Queen, которая изменила звучание группы. Столь же обнадеживающей была любовь Георгиоса к The Beatles и Дэвиду Боуи. К тому времени когда мы дошли до общей любви к Элтону Джону, наши миры, несомненно, соприкоснулись. Benny And The Jets, Candle In The Wind и заглавный трек его последнего альбома Goodbye Yellow Brick Road были нашими любимыми композициями. На первом уроке французского мы продолжали говорить о музыке. Я был сосредоточен на нашей болтовне, и через несколько минут после начала урока меня отругали за то, что я витаю в облаках.

– Риджли, как насчет того, чтобы начать этот год нормально? – сердито сказал учитель. Это означало, что сегодня мне не светит хорошая оценка за поведение.

Когда я посмотрел на Георгиоса, он засмеялся, закатывая глаза в знак поддержки. «Кажется, он ничего, этот парень, – подумал я. – Может быть, год будет не таким уж и плохим...»

Не прошло и часа с начала нового учебного года, а у меня уже появился новый друг.

* * *

Георгиос попытался объяснить, как лучше всего произносить его имя, но звучало это как отхаркивание особенно неприятного сгустка мокроты. Спустя несколько попыток у меня получилось – Йогурт, но на удивление прозвище не вызвало у него никакой реакции. И я решил называть его Йог, что звучало намного проще. Удручающая попытка миссис Паркер произнести греческое имя, а затем такие же ошибки ее коллег привели к тому, что все они, один за другим, сдались и стали называть его Джорджем. Когда дело доходило до знакомства с новыми людьми, Георгиос тоже предпочитал использовать имя Джордж, наверное, потому, что оно требовало меньше разъяснений.

Пеле # Кройф # Робсон # Риджли #

В течение следующих нескольких дней я все больше и больше узнавал о своем новом лучшем друге. Главным открытием стала решительность, что противоречило моему первому впечатлению о нем как о застенчивом и неуверенном подростке. Йог быстро освоился в Bushey Meads.

Во время его первого обеденного перерыва я показал ему канаты, которые мы тогда использовали для популярной игры под названием «Король стены». Суть понятна из названия,

да и правила довольно простые. Один из мальчишек забирался по канату, а соперники пытались сбить его с «наседа» любыми способами. На самом деле никаких правил, никаких судей и никакой пощады.

После обеда я использовал все свои физические возможности, чтобы занять бетонный «трон». *Я стал королем Стены*. И сбил нескольких соперников, прежде чем меня застигли врасплох. Это был Йог. Устав от моих издевок, он решил толкнуть меня в спину. Я упал на асфальт. Увидев, как он гордо висит на канате, смеясь над собственной бравадой, я почувствовал неловкость. Йог, возможно, не выставлял свою силу как броню и не пытался выделяться на футбольном поле и спортивной площадке, но тогда я понял, что он не из робкого десятка.

Неделю спустя, когда меня пригласили в его дом, мои предположения о состоятельности семьи Йога подтвердились. На школьном автобусе мы вместе доехали до Рэдлетта. Дом с четырьмя спальнями, большим садом и причудливой верандой впечатлил меня. Его шикарное жилище совсем не походило на трехкомнатный домик моих родителей. В отличие от наших скромных, но ухоженных клумб, у Йога была большая лужайка на внутреннем дворе в задней части дома. Летними вечерами Панайоту ужинали на свежем воздухе средиземноморскими деликатесами, на столе были долма, хумус и тарамасалата. Все это казалось экзотикой по сравнению с традиционными блюдами, которые мы готовили дома.

Поздоровавшись с его родителями, мы поднялись в спальню Йога. Она была идеально убрана и напоминала сокровищницу с разными памяtnыми вещицами и музыкальным оборудованием. Моя же, напротив, представляла собой анархическую мешанину из одежды и журналов, которую я приводил в порядок только под угрозой родителей отправить все на помойку. У Йога на стенах висели плакаты с Дэвидом Боуи и Элтоном Джоном. Однако самым удивительным было то, что Йог собирал комиксы о Человеке-пауке. У него их была целая стопка, я разглядел самое первое издание – даже тогда это был очень ценный экземпляр. Йог рассказал мне, что год назад видел выступление Элтона Джона на стадионе в Уотфорде. И что он всего однажды был на футбольном матче – на игре Arsenal. А когда показал мне свое главное сокровище, все остальное было уже неважно. Возле кровати стояла огромная перламутрово-голубая ударная установка. Я не мог в это поверить. И хотя барабаны Йога выглядели не так внушительно, как у Фила Коллинза или Роджера Тейлора из Queen, я все равно был потрясен. Ни у кого из моих знакомых не было барабанной установки в спальне, и, прежде чем он успел возразить, я направился к ней и выбил тяжелый, оглушительный ритм на малом барабане, двух том-томах³, большом барабане и тарелке.

– Нет, Эндрю... не надо! – крикнул Йог сквозь шум.

Ужас на его лице подсказал мне, что я сделал что-то жуткое. Позже я узнал, что в доме Панайоту занятия музыкой разрешались только в определенные часы. Немного ошарашенный, я отошел от барабанной установки и переключил свой энтузиазм на стереосистему, стоящую в углу комнаты.

– Я всегда записываю Top 40 по воскресеньям, – объяснил он. – И сохраняю песни, которые мне нравятся...

У моей мамы был только портативный магнитофон, тогда как у Йога была двойная кассетная дека, на которую он мог записывать песни прямо с тюнера. По-настоящему сложное оборудование. Мы оба были страстными поклонниками чартов, но, как и я, он считал, что своим тоном диджеи Radio1 и Capital буквально испытывали терпение слушателей. Наигранность болтовни ведущих, вроде Дэйва Ли Трэвиса и Тони Блэкберна, казалась нелепой. Эта новая связь вдохновила нас записать несколько собственных разговорных вставок. Целый час мы просидели у магнитофона Йога, высмеивая профессионалов. Хотя в то время мы и не

³ Том-том – ударный музыкальный инструмент цилиндрической формы, без подструнника. На том-томах играют барабанными палочками или литавровыми палками с небольшими твердыми головками. (wiki)

подозревали об этом, но именно тогда была заложена основа нашей дружбы: мы тесно связали музыку и юмор. Мы импровизировали, обменивались идеями и подшучивали над взрослым миром, который, пожалуй, был слишком серьезным. Наша возня в равной степени встревожила и успокоила маму Йога.

Весь вечер я рассматривал невероятную коллекцию пластинок. У Йога их было очень много. Все музыканты, которых я любил, – например, несколько альбомов Queen. Хотя мне нравился Боуи и у меня была пара синглов, в том числе *The Jean Genie*, Йог как страстный поклонник собрал несколько LP. Но Элтон Джон – совсем другое дело. И Йог, и я любили его, потому что он писал великолепные песни. Он создавал музыку в самых разнообразных стилях, например синглы *Crocodile Rock* и *Candle In The Wind* сильно отличаются друг от друга. Я был слишком молод, чтобы знать о его первых альбомах, но после *Goodbye Yellow Brick Road*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.